

НЕВОСПОЛНИМОСТЬ

Бывают артисты, которым в начале творческого пути выпадает сыграть роль, осеняющую всю их жизнь в искусстве. Это счастье, это удача: таких ролей гораздо меньше, чем даже очень крупных художников. Это ответственность, сложность, порой драма: ведь есть еще вся жизнь, а о тебе и десять и двадцать лет спустя вспоминают в первую очередь как об авторе той, легендарной роли.

«Чапаев» стал вехой в истории социалистического искусства, и вряд ли надо доказывать, как любил его Борис Андреевич Бабочкин. Не любил говорить и выслушивать об этой своей работе слишком много. Потому что его душевный, творческий запас и после «Чапаева» был богат поразительно, неоглядно. Потому что он был художником до такой степени преданным, приверженным работе сегодняшней, одержимым ею, что уже сделанное, даже во всей огромности своей, отходило для него на второй план.

Бабочкин не терпел людей, живущих в искусстве своим прошлым. Случалось, бывал резок, колюч, но шло это в первую очередь от неумолимой требовательности к себе самому.

Мне кажется, Бабочкин мучился своей нереализованностью. Нелепость, абсурд: ведь столько превосходных работ на его счету! Но и талант был такой глубины и неистовости, что даже в самом высоком создании не мог исчерпать себя до конца, дать такое удовлетворение мастеру, которое принесло бы хоть краткий покой.

Чем больше работал Бабочкин, тем был нетерпеливее: годы идут, а сколько еще дел впереди, сколько замыслов, требующих осуществления. Как он ставил, — уже в самые последние годы, — как он ставил в Малом театре Островского Чехова, Горького, как играл в пьесах великих русских драматургов! Была соизмеримость внутренних масштабов, и было безошибочно точное понимание, что же должна сказать гениальная пьеса сегодняшнему зрителю, что должна помочь понять, над чем — заставить задуматься. «Иванов», «Достигаев и другие», «Фальшивая монета»... И «Гроза» — последняя работа мастера, прямо адресованная молодому зрителю, доверительно и взыскательно

идущая на обсуждение самых насущных и коренных нравственных, философских проблем.

Бабочкин жадно искал дела, но дела себе по плечу, он никогда не брался за то, чем не был граждански и художнически захвачен. Поэтому новые его спектакли, новые роли появлялись не так часто, как можно было ожидать, зная безудержную работоспособность Бабочкина. Но зато это были спектакли-события и роли-события.

У молодых актеров, для которых утверждение себя в искусстве далеко не всегда сочетается с признанием авторитетов даже общепризнанных, отношение к Бабочкину было благоговейное. При том, что он никогда не подлаживался к молодым, не заискивал, не искал популярности. Напротив, строг бывал, случалось, до чрезмерности, а его острой, как бритва, иронии боялись. Но все равно тянулись именно к нему, и учиться хотели у него, и встреч с ним добивались, потому что ясно же было, что это вот и есть оно — настоящее. Педагогом Бабочкин был блистательным, спектакли его выпускных курсов во ВГИКе неизменно оказывались пиршеством изобретательности, выдумки, озорства. А уж если Бабочкин угадывал незаурядно одаренного человека — уходила строгость, рассеивалась ирония, он влюблялся в талант самозабвенно.

Потеря большого человека и мастера всегда горька и невосполнима, но есть люди, по которым, в силу тех или иных причин, она, эта потеря, бьет особенно больно. Современность Бабочкина, чуткость его к сегодняшнему дню проявлялись и в том, что был он неравнодушен к газете, к газетчикам. Не пропускал встреч в редакции, живо откликался на любые просьбы и предложения, сам предлагал, писал статьи, участвовал в дискуссиях.

Театру, кинематографу, телевидению будет мучительно не хватать выдающегося режиссера, артиста, педагога. «Комсомольской правде» — одного из самых лучших и инициативных ее работников. У многих и многих людей частица жизни ушла со смертью Бориса Андреевича Бабочкина.

К. ЩЕРБАКОВ.